

О ТУЛЕ И ТУЛЯКАХ С ЛЮБОВЬЮ

**О Туле и Туляках с любовью.
Рассказы Н.Ф. Андреева –
патриарха тульского краеведения**

«Лепехин Александр Никитович»

2016

УДК 908(470.312)(92)
ББК 26.89(2Рос-4Тул)

О Туле и Туляках с любовью. Рассказы Н.Ф. Андреева – патриарха тульского краеведения / «Лепехин Александр Никитович», 2016

В книге приведены старейшие краеведческие материалы о городе Тула и туляках написанные Николаем Федоровичем Андреевым в середине XIX века. Им описаны интересные эпизоды из истории нашего города и его жителей. Рассказано о посещении нашего города Императрицей Екатериной II и генералом-фельдмаршалом князем Г.А. Потемкиным. Приведено много интересных фактов из культурной жизни Тулы, ныне почти забытых. Отдельного внимания заслуживает его научно-исследовательская статья о Вятцах. Несомненно, всем будет интересны гравюры видов Тулы художника Шеле с комментариями Н.Ф. Андреева, такой краткий путеводитель по нашему городу середины XIX века. Читатель по достоинству оценит и его последнее произведение «Хорош да туляк» (Записки старика), которое как бы подводит итог его деятельности в Тульском краеведении. Оно было изданное после смерти автора. В приложениях вы найдете статьи о доме Лугинина, очень подробная опись этого дома и его обстановки начала XIX века. Статью о некоторых архитектурных потерях Тулы, которые не улучшили облик нашего города, а даже наоборот. В конце книги приведена библиография произведений Н.Ф. Андреева и Именной указатель людей упомянутых в книге. Книга рассчитана на почитателей нашей истории и широкий круг читателей

УДК 908(470.312)(92)
ББК 26.89(2Рос-4Тул)

, 2016

© Лепехин Александр
Никитович, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Биографические данные	9
1842 г. Пребывание в Туле Екатерины II	10
1842 г. Пребывание в Туле Графа Потёмкина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Никитович Лепехин

О Туле и Туляках с любовью.

Рассказы Н.Ф. Андреева

патриарха тульского краеведения

Предисловие

В этой книге переиздано несколько произведений нашего великого Тульского краеведа Николая Федоровича Андреева. Он кропотливо собирал интересные факты из жизни города, истории из жизни знаменитых людей и простых туляков, записывал их воспоминания, искал и исследовал исторические документы. Он старался всесторонне осветить историю нашего города с самого начала и до новейших, на момент его жизни, времен. Он с увлечением рассказывал тулякам обо всем интересном, что ему удавалось найти. Николай Федорович пытался увлечь делом изучения истории всех окружающих и многих увлекал. Известный нам Иван Афремов преподаватель Кадетского корпуса и историк Тульского края, начал опубликовывать свои записки по настоянию Николая Федоровича. Без его деятельного участия так и остались бы лежать в семейном архиве его работы, а со временем бы сгинули. Как канули в лету много интересных рукописей. Хотя мы знаем и такие факты, когда рукописи, после смерти автора попадали в порядочные, добросовестные руки, и тогда ценою не малых усилий они издавались. Так была издана бесценная книга «Тула: Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Тип-я М.Н. Лаврова и К, 1884. 240 с.».

Нечто подобное произошло и с последней рукописью Николая Федоровича. Он долго и тщательно готовил рукопись книги «Хорош, да туляк. Записки старика», но издать не успел. Он похоронен на кладбище своего родного села Торхово, но его могилу я так и не смог найти. Там сохранилось несколько старых надгробий, но они не имеют к Николаю Федоровичу никакого отношения. Да и в самом селе никто не помнит своего знаменитого земляка.

История не сохранила нам имя того человека, к которому попала в руки рукопись не опубликованной книги, но он сделал очень благородное дело, достойное памяти Николая Федоровича. Он в Москве нашел денег, видимо скинулись купцы и промышленники выходцы из Тулы, и напечатал книгу. В Туле она не сохранилась, да и в Москве она чудом сохранилась в Российской государственной библиотеке в весьма ветхом состоянии, на руки ее не выдают, ее можно увидеть только в виде диафильма. Но это не может нам служить препятствием. Я считал с диафильма, ввел в компьютер и сейчас мы, Михаил Тенцер и ваш покорный слуга, последователи дела Андреева Н.Ф., переиздаем это произведение в книге, которую вы держите в руках. Для чего? Прекрасное, не может быть напрасным.

В книгу включены разноплановые работы. Две самые ранние о пребывании в Туле Екатерины II и графа Потемкина, Прогулки по Туле и ее окрестностям, Описание видов Тулы изображенных на гравюрах Карла Шеле, Документально-историческое исследование о Вятцах и, упомянутую уже мною, книгу «Хорош, да Туляк. Записки старика».

Лепехин А.Н.

Введение

Николай Федорович Андреев. Еще совсем недавно мне это имя ни о чем не говорило. Я занимался своим родовым гнездом, прежде бывшим славным городом Дедиловым и мало интересовался Тулой. Но однажды в Тульской областной библиотеке я натолкнулся на фотокопию его книги, где он описывает Тульские места, изображенные на гравюрах Карла Шеле. На самой первой гравюре была изображена Киевская ул. близ Киевской заставы. Я вырос в этом месте и мне, казалось, что я все знаю, но, прочитав его статью, понял я ничего не знаю. Это дало толчок моим занятиям краеведением Тулы и изучению трудов Николая Федоровича.

Чем я больше читал его работы, тем больше узнавал о Туле и людях здесь когда-то живших и их делах. И всё больше восхищался автором. У меня возникало непреодолимое желание поделиться найденным материалом. Я с увлечением рассказывал своим друзьям и знакомым о своих находках, немало удивлял уже маститых краеведов. Но мне хотелось, чтобы свой город, его историю, историю людей живших и живущих в нем знало как можно больше туляков, но это возможно только через книги.

Время не сохранило для нас портрет Николая Федоровича, но оно сохранило его произведения, что, быстрее всего, для Николая Федоровича было гораздо важнее.

В данной книге мы приводим лишь несколько статей Николая Федоровича Андреева. Они публикуются в хронологическом порядке. По ним мы можем проследить творческий рост Н.Ф.Андреева. Самые первые его статьи 1842 г. опубликованные в журнале Московитянин, это описание с чужих слов двух значимых для Тулы событий: посещение г. Тулы царицей Екатериной Великой и посещение Тулы видным полководцем и государственным деятелем Российской империи Г.А.Потемкиным.

На следующий год из-под его пера выходит интересный труд о Туле и туляках «Прогулки по Туле и путешествия по ее окрестностям». В следующей статье он продолжает эту тему. В ней рассказывается о Туле и творческих людях нашего города. Особенно он гордился нашим земляком великим Русским поэтом Василием Андреевичем Жуковским. Он в XIX веке хотел, чтобы в Тульской губернии, хотя бы в одном из уездных городов поставили памятник Василию Андреевичу. И действительно на родине поэта в Белеве поставили ему памятник, а уже в XXI веке в 2014 году титаническими усилиями энтузиаста из Белева, но живущего в Москве Иванова Ивана Александровича и действительного члена Российской академии художеств скульптура Александра Бурганова автора памятника В.А.Жуковскому был установлен еще один памятник в губернском городе Туле в сквере у Тульского педагогического университета. Пожелания нашего равнодушного земляка Андреева мы, современное поколение, перевыполнили.

В вышеупомянутых статьях вы найдете интересные факты из жизни и творчества наших знаменитых и не очень знаменитых туляков. Которые оставили заметный след в культуре, не только нашего города, но и государства Российского. Это И.П.Сахаров и А.Г.Глаголев, А.Т.Болотов и Я.Л.Левшин, генералы Вельяминовы и И.Х.Гамель и многие другие.

Затем следует фундаментальное и до сих пор актуальное исследование документальных источников об истории Вятичей древних обитателей Тульской и прилегающих областей. В этом произведении раскрылся его талант исследователя, умеющего работать с историческими документами источниками нашей истории.

В 1856 году «Тульские губернские ведомости» заканчивают публикацию статьи Андреева о Вятичах и в этом же году выходит его книга с описанием видов Тулы изображенных на гравюрах Шеле. Это первый путеводитель по г. Туле. К сожалению, не по всему городу, в только той его части, которая попала на холст художника и прилегающих к ней домов. Немного сохранилось с того времени. На Киевской улице, ныне проспект им. Ленина, сохранилось здание

Дворянского собрания, да упоминаемый Воспитательный дом, Кремль, некоторые постройки Оружейного завода, да церковь Николы богатого. Причем некоторые постройки были снесены у меня на глазах. В конце 1960-х годов был снесен дом полицмейстера, в книге он упомянут как дом арестантской полуроты, ныне на его месте построено «высокохудожественное» здание Облсовпрофа. Баскаковский инвалидный дом, а если точнее первый Тульский Почтамт, был снесен в конце 1970-х. Чем был добит окончательно архитектурный памятник г. Тулы конца 18 века Площадь Киевской заставы, вторая по красоте и значению после сохранившейся площади того же времени, где ныне Пушкинский и Гоголевский скверы. Также исчезли у нас понятия Чугунный и Железный мосты. Мосты-то остались, причем мы ходим и ездим по ним обоим, если Железный мы скромно называет Зареченским, то Чугунный вообще не замечаем, а это самый широкий мост в Туле. Да и почему-то речку Тулицу или точнее водоподводной канал для вододействующих машин Тульского оружейного завода, в районе того моста Упой называем, а про настоящую реку Упу как-то забыли и она превратилась в небольшой ручей.

Все произведения Николая Федоровича Андреева пропитаны глубокой любовью к своему городу, к русской культуре, они также наполнены тревогой за будущее нашей страны и народа. Своими произведениями он старается служить делу Просвещения людей его окружающих. Он яростно обличает варварское отношение к памятникам истории и культуры, бескультурье и прочие, на его взгляд, пороки, которые мешают нам быть лучше. Вместе с тем, заботясь о культуре, стремясь создать ее гармоничный образ, который почему-то имеет не русские, а французско-западные оттенки, он недопонимает, что наши народные традиции это тоже серьезные составляющие нашей культуры. Печально, когда сносят старый уникальный дом, пускают на самокрутки исторический документ, но еще печальнее, когда из повседневной жизни народа исчезают вековые традиции, которые когда-то сделали нас уникальным и мощным народом.

Лепехин А.Н.

Биографические данные

Андреев Николай Федорович (1795 или 1797, с. Торхово Тульского у. Тульской губ. 15.11.1864, с. Торхово Тульского у. Тульской губ.), историк, археограф, источниковед.

Родился в семье мелкого чиновника. Получив домашнее образование, в 1916 г. поступил на военную службу юнкером в 23-ю артиллерийскую бригаду. В 1824 г. вышел в отставку в чине подпоручика. Поэтому чину был внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Тульской губ. В 1829–1837 гг. заседатель Тульской палаты уголовного суда. В 18441855 депутат дворянского депутатского собрания от Тульского у. И в 1853 1856 гг. судья Тульского у. С 1856-го по 1864 г. непременный член комиссии народного продовольствия. Являясь последователем «Скептической школы» М.Т.Каченовского, Андреев в 1840–1850-х годах опубликовал цикл статей по истории Тульского края. Первый в нашей краеведческой литературе поднял вопросы методики работы историка, археографа, источниковеда. Андреев занимался как ранней, так и новой и новейшей историей Тульского края, сохранив для нас многие интересные факты.

Место захоронения утеряно.

1842 г. Пребывание в Туле Екатерины II

К лучшим воспоминаниям старожилов Тульских принадлежит пребывание Екатерины Второй в нашем городе, уже названном губернским. Возвращаясь с юга, в северную свою Пальмиру, что было, как известно, в 1787 году, она следовала по тракту из Орла на Тулу. Заметим, что это путешествие Екатерины Великой в полуденный край России было описано у нас кем-то и когда-то, но оно далеко неудовлетворительно, лишено всякого интереса, ничего не имеет в себе любопытного, а тем менее литературных достоинств. Это заметки какого-нибудь гоф-фурьера, выдававшего прогонные деньги на станциях или приготавливавшего ночлеги, словом, это маршрут, а не путешествие. А какую бы можно составить дельную книгу, человеку наблюдательному, писателю с талантом! Материал был под рукою.

Тут ненужно было ни большой смелости, ни вдохновения, потому что те, которые составляли свиту Государыни, во все это продолжительное путешествие, наговорили столько умного, острого, замечательного, что стоило бы только с толком записывать в стройной последовательности, и потом дать труду своему известную форму.... Но этого не сделано, и все погибло безвозвратно, и потомство жалеет о таких лишениях...

За долго до того все уже знали, что Екатерина Великая осчастливит Тулу своим прибытием что они, ее современники, увидят обожаемую свою Государыню, и эта мысль производила всеобщий энтузиазм, которым одушевлен был каждый гражданин, каждый подданный ее славного царствования. Надобно слышать с какою энергиею, с каким искренним, благодарным чувством рассказывают старожилы об этом событии; надобно видеть их лица, их улыбки их печаль, их слезы, чтобы понять всю прелесть патриотического воспоминания, составляющего для этих инвалидов драгоценную собственность сердца, к которой не посмело коснуться и самое время, записавшее за ними так много..... К сожалению, трудно если невозможно, пере-

дать вполне то, о чем повествуют Екатерининские современники, получившие от нас книжное название, которого, впрочем, они по справедливости заслуживают. Главное достоинство этой изустной хроники составляют, кроме, разумеется, истины, – простота и неподдельное, искреннее чувство, а такие данные, как вам известно, не всякому по силам. И мы с ребяческой робостью приступаем к описанию двухдневного пребывания Екатерины и в городе Туле.

«Это было в конце июня месяца 1787 года, точно в июне: я хорошо помню, что тогда уже продавали спелую землянику, говорил нам, почтенный старец, окидывая нас орлиными глазами своими, в которых не совсем угас огонь молодости. Еще за несколько дней до прибытия Великой Государыни, множество дворян и даже простолюдинов приехали и пришли к нам из Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской Губернии, чтобы видеть её, поклониться ей, и если можно, сказать: Матушка! мы Твои верные подданные, Любим, обожаем Тебя и благословляем судьбу, благодарим Бога, что мы Русские». Но прежде, нежели буду говорить вам о прибытии Государыни, я расскажу анекдот любопытный и замечательный по многим отношениям.

Старец самодовольно улыбнулся, как бы приветствуя прошедшее.

«Наместник наш Михаил Никитич Кречетников приказал правителю своей Канцелярии, Веницееву, составить докладную записку по одному делу, чрезвычайно важного содержания, которую он намерен был подать Императрице. Надобно знать, что Семен Никифорович Веницеев (да будет известно вам имя его) принадлежал к тем немногим людям, которые соединяют в себе редкие достоинства. Одарённый умом быстрым и наблюдательным, он имел воображение живое, пламенное, и превосходную память. Верный взгляд на вещи, глубокие юридические познания и простой, естественный слог в деловых бумагах, удивляли самых опытных его сослуживцев, которые в сомнительных случаях по производившимся процессам всегда обращались к нему, и не было примера, чтобы он не удовлетворял их желаний в полной мере. (Да покоится прах его с миром!) Выслушав приказание своего строгого начальника, впрочем, его уважавшего, Веницеев отправился домой, чтобы на просторе исполнить данное ему приказание; но убедительная просьба искреннего друга, (в старину еще они бывали), приглашавшего Веницеева на вечер увлекли его в шумную и веселую беседу приятелей, где он провел всю ночь, осушая заздравные тосты в честь именинника, у которого пировал. Ранним утром правителя Канцелярии потребовали к Наместнику. Освежившись холодной водой и обтерев лицо своё льдом, Веницеев явился к начальнику уже сидевшему за туалетом.

– Готова ли докладная записка? серьёзно спросил его Кречетников, разумея о вчерашнем приказании своем.

– Готова, Ваше Превосходительство, смело отвечал Веницеев.

– Ну, так читайте!

Повинуясь этим многозначительным трем словам, правитель Канцелярии преспокойно вынул из бокового кармана своего мундира нисколько листов бумаги, развернул ее и начал читать....

– Прекрасно, прекрасно, говорил Наместник, обращаясь к Веницееву, когда он кончил чтение теперь стоит только подписать, прибавил Начальник, протягивая руку к бумаге.... Веницеев медлил обнаруживать истину.

– Подайте же, я подпишу, у меня пропасть дел сказал Кречетников с некоторым движением.

– Виноват, Ваше Превосходительство, отвечал правитель Канцелярии, подавая ему белые листы бумаги: я читал то, что еще не написано.... виноват (Следовательно, такой случай был не с одним Князем Безбородко?)!

– Как! вы осмелились не исполнить моего приказания? вскричал Наместник, бросая на Веницеева гневные взгляды. Императрица будет в Тулу непременно к обеду, а я не могу приготовить этого дела к ее приезду. Вы, сударь....

И раздраженный начальник в пылу справедливого негодования хотел было назвать своего подчиненного как-то обидным именем, но смягчив жесткое выражение, прибавил:

– Не исполняете вашей прямой обязанности и очень невнимательны к моим приказам...., вскричал Наместник, ходив крупными шагами по комнате.

– Прошу одного снисхождения: позвольте мне выполнить вчерашнее приказание в присутствии Вашего Превосходительства....

– Поздно, сударь, поздно, вы все бражничаете....

– Осмеливаюсь уверить Ваше Превосходительство....

– Меня не в чем уверять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома, что вы находились в кругу ваших приятелей, весьма подозрительной нравственности....

Кречетников был деятельным, строгим Наместником, но добрым и не редко снисходительным. Ошибки и недоразумения он легко извинял, но не исполнение личного его приказа влекло за собой опасные следствия на виновных. Находившись в неприятном расположении духа, он остановился и сказал:

– Что ж теперь нам делать сударь?

– Еще успеем, отвечал Веницеев.

– Это не возможно! говорил Наместник, посмотрев на часы.

– Честью ручаюсь, что всё будет готово, возразил правитель Канцелярии.

– Хорошо, отвечал Наместник, садитесь здесь и работайте.

Веницеев сел к письменному столу, положил возле себя известное дело, принесённое из Канцелярии, и едва ли не в час написал то, что стоило другому не мало трудов и не мало времени.

В таком случае я вас прощаю, сказал Кречетников, подписывая докладную записку.

«И эта-то небольшое сочинение Веницеева, выкупившее его из беды неминуемой, удостоилось самого лестного внимания той, для которой оно было писано. Императрица, прочитав докладную записку, поданную ей Кречетниковым, пожелала знать ее сочинителя. Наместник назвал его по Фамилии. Государыня приказала явиться ему во Дворец. Можете представить себе восхищение Веницеева, когда он услышал из уст повелительницы миллионов людей следующие слова:

– Доклад ваш я прочитала с особенным удовольствием. Охраняйте Михаила Никитича: он человек военный и легко может ошибаться в делах гражданских.

Сказав это, она сама изволила пожаловать Веницееву золотую табакерку, наполненную червонцами.

Так Великая умела нагружать истинное дарование! Этот анекдот многим старожилам известен в Туле. «Я уже помнится, сказал вам, продолжал старец, что в наш город наехало и нашло множество гостей всех возрастов и всех сословий. Тульский Гражданский Губернатор, Иван Андреевич Заборовский, заготовив до шести сот лошадей на каждой станции, ездил на границу вверенной ему Губернии встречать Императрицу. С самой зари того незабвенного дня, в который ожидали Высочайшего прибытия, все ужё поднялось на ноги, все, как говорится, разряженные в пух спешили на Киевскую улицу, чтобы занять лучшее место. Рогатки, брошенные поперек переулков, упирающихся в Юьевскую улицу, прервали сообщение, канаты протягивались от крепости до триумфальных ворот, сооруженных по этому случаю, и езда по ней совершенно прекратилась. Одни колоны граждан торопливо шли за город, другие в поле, но вся масса народа двигалась и стояла по Киевской улице; многие поместились на кровлях домов, у открытых окошек которых чинно и жеманно сидела Тульская аристократия и дамы среднего сословия. И все говорили об одном предмете, и все одушевлялись одною мыслию, одним желанием: скорее увидеть Матушку-Царицу. Да, с позволения вашего, сказал старец, возвысив свой голос и пронзив нас своими взорами, понимаете ли вы это слово: «Матушка? – не думаю? надобно жить нашим умом, нашими чувствами и в наше время, чтобы вполне понять

всю его силу и значение. Ведь его не выразят никакие сладкие слова, не объяснит никакой академический лексикон, это язык нашего народа, язык целой нации великой Империи, которой подсказало его сердце, и звуки Русского слова выразили: мать Отечества!.. Посмотрели бы вы тогда на этот веселый народ, послушали бы вы его радостного говору! Не ищите народности в книгах, она живёт в толпе простолюдинов. Трудно ее схватить: она почти неуловима.

«В восемь часов утра Наместник наш Михаил Никитич Кречетников проехал верхом по Киевской улице за город, отдавая на пути приказания его окружающим. Как теперь помню, день был прекрасный. Уже солнце подходило к полдню, а Матушки все еще не было. Да скоро ли ты, наша родная, к нам поженешься, говорили многие, и все смотрели туда, отколь ожидали ненаглядную.... И вот в исходе первого часа гром артиллерии, беглый оружейный огонь, звон колоколов и отдаленное ура раздалось и потрясли воздух. Сладостные блаженные минуты! Вы памятливы нам старожилам. Наконец, как бы пришел в себя от упоительного самозабвения, сказали друг другу: «Матушка едет!» и парадная карета, вся в золоте, с короной на империале, восемью опущенными стёклами, в которой сидела Императрица, быстро въехала в город и помчалась вниз к крепости. Наместник и Губернатор, оба верхами, скакали первый по левую руку, а второй по правую руку кареты. Кроме военных Генералов и Штаб-офицеров, целый эскадрон драгунов, с обнаженными. Палашами конвоировали Великую. Вслед за ней тянулись вереницею, мы потеряли им счет, – так много было их в этом блестящем и великолепном поезде. Августейшая путешественница, с милостивыми взглядами с очаровательною улыбкой изволила раскланиваться на обе стороны торжествующему народу, оглашавшему воздух радостными кликами. Императрица остановилась во Дворце, находившемся на оружейном заводе – там, где нынче воздвигнуто громадное здание, известное под именем паровой машины. Волны народа хлынули на Дворцовую площадь. Оба берега Упы у и оба моста, перекинутые чрез эту реку, амбразуры на крепости, обращенной к заводу, – унижены были любопытными.

«Между тем как множество красивых лодок скользило по Упе, и всё находилось в деятельном движении, Матушка Царица благоволила подойти к открытому окну, и приветствовала народ поклоном. Народ, увидев Самодержавную вместо ответа, грянул свое любимое: ура! Но стоявшие позади Государыни, Граф Иван Григорьевич Чернышев и Обер-Каммергер Шувалов, дали знак рукою, и все замолкло. Великая вторично поклонилась и довольно громко сказала: – «Здравствуйте, дети!» Тогда восклицаниям не было конца, многие упали на колени, и у каждого прошибла горячая слеза на глазах. О, если бы можно было ювелиру оправить в золото эту крупную, горячую слезу как оправляют они дорогие камни, она была бы для нас драгоценнее бриллианта!.. Вечеру того же дня Государыня была в театре, находившемся на площади, где теперь построен Экзерцир-Гауз. Общее желание публики требовало: «Титова милосердия.» Но по Высочайшей воле отменили эту трагедию, а дали Хвастуна, сочиненного Княжениным. Тогда Хвастун был в почете; редкие не знали из этой комедии хот несколько стихов. Спектакль шел превосходно. Государыня изъявляла удовольствие свое, аплодировала актерам, из которых двух тогда же приказано было отправить на казенный счет в Петербург. Наш Пономарев сделался известен впоследствии. Когда Императрица поехала из театра, блистательная иллюминация уже освещала весь город. Огромная прозрачная картина с ее вензелевым именем и эмблематическими изображениями, во вкусе того времени, поставлена была напротив Дворца по ту сторону Упы. – К каждому боку этой великолепной картины примыкали два ряда высоких пирамид, обнизанных тысячами шкаликов. Дворец, Собор, оружейный завод и крепость казались облитыми ярким, ослепительным огнем. По реке плавала большая шлюпка, убранная разноцветными Фонарями, в которой находились песенники. Два оркестра военной музыки, помещенные на платформах, попеременно играли лучшие пьесы знаменитых композиторов. Везде волновался народ веселый, радостный, счастливый, словом, каждый из нас забыл собственное горе и заботы, сопряженные с хлопотливостью, забыл и вражду, все, все забыл, кроме одной отрадной мысли, что мы завтра увидим нашу Самодержавную, нашу

добрую, приветливую Государыню, нашу Матушку-Царицу. Умники говорят, что на земле нет блаженства – пустое! будьте верными подданными, исполняйте совестливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на земле можно еще получишь радости Небесные.

«Надобно вам сказать, продолжал старец, сдвинув белые, густые брови свои и принимая важную физиономию, что 1786 годе, был крайне неблагоприятен земледельцам. Высокие цены на хлеб просто угрожали голодом. Правда, народ не роптал, но уже терпел недостаток в этом необходимом продукте, составляющем единственную нашу торговлю. Чтобы не огорчить такой неутешительною вестью государыни, которая приняла бы её не равнодушно, потому что она любила своих подданных с материнскою нежностью. Кречетников осмелился скрыть от нее неурожай в Тульской Губернии, и донёс совершенно противное. Очевидно, что намерения его были довольно уважительны, даже похвальны, если возьмём в соображение те обстоятельства, что близкая жатва могла удовлетворить вполне наши ожидания, и тогда упадок цен на хлеб был бы не сомнителен. Но, к сожалению, Михаил Никитич находился не совсем в приятельских отношениях с Львом Александровичем Нарышкиным, Обер-Шталмейстером Государыни, вельможею тем более опасным, что он под видом шутки, всегда острой, и часто язвительной, умел легко и, кстати, высказывать самую горькую правду. Его эпиграмма кололась сильнее иглы. По распоряжению Кречетникова, со всего уезда собраны были целые стада скота и целые табуны лошадей, которые и паслись на сенокосных лугах, лежащих при дорогах. Поселянам Тульской Губернии, живущим по большому тракту, приказано было, когда поедет Государыня, встречать ее в праздничной одежде. Сказано – сделано. Императрица, повсюду видев многочисленные стада, окрашенные избы, чистоту, порядок и довольство поселян, встречающих Ее Величество с хлебом-солью, с веселыми лицами, и с громкими восклицаниями, заметила о том Гофмейстеру Безбородко, а Принц де Линь и Сегюр, находившиеся в ее свите, в звании Министра Иностранных Дворов, заметили это самой Императрице. Прибыв в Тулу, она изъявила свое удовольствие Наместнику и Гражданскому Губернатору, сказав: «Спасибо вам, Михаил Никитич: я нашла в Тульской Губернии то, что желала бы найти и в других Губерниях». Иван Александрович Заборовский получил не менее лестное благоволение Великой: Заборовского перевела в Кострому и сделала Костромским и Ярославским Генерал Губернатором. Кстати скажу вам, что Заборовский поднес Екатерине Великой – оду, сочиненную на ее прибытие Г. Воскресенским, Студентом Московского Университета, уже служившим в Приказе Общественного Призрения. Воскресенскому прислали приличный подарок, и сверх того ему приказано было сказать, что его стихотворение «очень хорошо». В таком-то положении находились дела, как одно обстоятельство едва было не навлекло большой ответственности на Кречетникова, а нас, дворян, лишило счастья, о котором узнаете после.

«На другой день рано утром Государыня увидела из окошка своего уединенного кабинета Льва Александровича Нарышкина, который нес на плече ковригу ржаного хлеба, воткнув в нее трость свою, а в руке двух крикавых уток, также купленных им на торгу. Изумленная несколько этою странностью, Императрица приказала дежурному Камерюнкеру Графу Головкину попросить к себе Нарышкина. Лишь только он вошел в кабинет с обременительною своею ношею, Государыня, больше удивленная, спросила его с обворожительною своею улыбкой:

– Что всё это значит, Лев Александрович?

Нарышкин, преспокойно положив на стол свою покупку, отвечал;

– Я принес Вашему Величеству Тульский ржаной хлеб, да двух уток, которых вы жалуете....

Подозревая в таком подарке какую-нибудь новую шутку своего Обер-Шталмейстера, Государыня вторично спросила:

– А по какой цене за фунт купили вы этот хлеб?

Лев Александрович доложил Государыне, что за каждый фунт печеного ржаного хлеба он заплатил 4 копейки. Императрица бросила пронизательный взгляд на Нарышкина, взгляд исполненный величия и недоверчивости, и возразила:

– Быть не может. Это цена неслыханная, мне донесли, что такой хлеб в Туле не дороже одной копейки медью.

– Нет, Государыня, это неправда: вам донесли ложно. Я сам покупал на торгу хлеб и знаю ему цену, отвечал Нарышкин, низко кланяясь.

– Удивляюсь, – продолжала Императрица, как же меня уверили, что в здешней Губернии был обильный урожай в прошлом году?

– Нынешняя жатва может будет удовлетворительна, Ваше Величество, а теперь, пока, голодно, заметил Нарышкин, насмешливо улыбаясь.

Государыня вторично посмотрела на него пристально, протянула руку к столу, у которого сидела, взяла писанный листок бумаги, и молча подала своему Обер-Шталмейстеру. Взглянув в бумагу, Нарышкин говорил, не переменяя своего почтительного положения.

– Может быть это ошибка..., Впрочем, иногда рапорты бывают не достовернее газет.

И он, сложив бумагу, заключавшую в себе вчерашний рапорт, поданный Кречетниковым, положил её на письменный стол. Ее Величество несколько помолчав и потом, понизив голос, сказала:

– Михайло Никитич меня обманул.

Утреннее известие, сообщенное так оригинально Обер-Шталмейстером, расстроило Государыню. Она находилась под влиянием двух противоположных ощущений: справедливого негодования, и сожаления о человеке, преданном ей душою, но который заслуживал строгого выговора; однако ж, когда Михаила Никитич приехал во Дворец и представился Императрице, она приняла его с тою же ласкою, которою прежде его удостаивала, только слегка заметила ему о чрезвычайных ценах на хлеб в Туле. Видев смущение и замешательство Кречетникова, Государыня сказала:

– Надобно поскорее помочь этому горю, что бы не случилось большой беды.

В одиннадцать часов того ж дня, о котором я разумею, Императрица долго и внимательно осматривала оружейный завод, расспрашивала голову оружейников Баташова, о состоянии этих трудолюбивых и полезных граждан. В корпусе, где сверлят стволы, Государыня сама изволила ударить молотком по раскаленному цилиндру. Этот ствол и этот молоток хранятся в арсенале и любопытные смотрят на них с благоговением. Тульский арсенал также обратил на себя внимание Ее Величества. Древнее оружие она рассматривала, как знаток опытный, и некоторые из них приказала перевезти в Московскую Оружейную Палату. Обозрев прозорливым взором все достойное замечания, Государыня около двух часов прогуливалась по городу в открытом экипаже, и возвратилась во Дворец к обеденному столу, к которому приглашены были, кроме военных Генералов квартировавших здесь кавалерийских полков, и наш Наместник Кречетников, Губернатор Заборовский и Губернский Предводитель Генерал-Поручик Давыдов.

«Недели за две до этого достопамятного события, еще незаписанного в летописи Тулы, в зале Благородного Собрания приготовлялся такой бал, каких мне старику, мало случалось видеть. Начинаю с того что вся широкая лестница, ярко освещенная Кеннетами, устлана была тонким красным сукном и розовым бархатом, площадки, которой украшали померанцевые, лимонные и апельсиновые деревья. Огромные зеркала, отражая в себе предметы, расширяли это пространство. Вся зала убрана была Фестонами из свежих цветов по рисунку, сочиненному известным архитектором, Над мраморным бюстом Екатерины второй обставленным с двух сторон лаврами и штамбовыми розанами, возвышалась прозрачная картина с ее вензловым именем, белые градитуровые драпи с широкою бахромою и кистями, перехваченные вызолоченными аграфами украшали все окна, на которых стояло множество цветов в фарфоровых

горшках, разливая благоухание Востока, а сотни восковых свеч в люстрах, обнизанных хрустальными подвесками и в серебряных канделябрах, разливали тысячи призматических цветов. Превосходная музыка, разнообразная и богатая одежда дам и мужчин щегольская ливрея официантов, все это вместе делало вид, или как нынче говорят, делало эффект очаровательный, чудесный.

«И мы с нетерпением ожидали прибытия Августейшей путешественницы, которая уже изъявила свое согласие на приглашение Тульских дворян. В восемь часов вечера придворная карета скоро ехала по направлению к дому Собрания. Кречетников и Заборовский поспешили сойти к подъезду, чтобы встретить Государыню.... Но вместо Матушки-Царицы из кареты вышла Штатс-Дама Графиня Скавронская, и уведомила Наместника, что Императрица по случаю нездоровья, лишается удовольствия быть на бале, и прислала ее благодарить от своего лица всех дворян Тульской Губернии. После мы узнали, что Матушкацарица отвечала Каммер-Фрейлине Протасовой и Фрейлине Графине Чернышевой, напомнившим ей о бале: «могу ли я принять в нём участие, говорила она, когда может быть, многие здешние жители терпят недостаток в хлебе». Весть, привезенная Графиней Скавронскою, разлила уныние по зале с быстротою молнии. Мы не смели роптать, не смели и сетовать, но признаться ли вам? Это нас глубоко опечалило.... Безумные! если бы каждый из нас мог знать то, что известно сделалось после, мы должны бы были все упасть на колени пред мраморным бюстом, благоговейно произнести ее великое имя и безмолвно удалиться из залы. Государыня поняла бы нас вполне, а потомство сказало бы об нас доброе слово..... Но мы предались печали, тоске, скуке.....

«На третий день все готово было к Высочайшему путешествию. Народ по прежнему собрался на дворцовую площадь, волною разлился по берегу Упы, по Московской улице, к другим триумфальным воротам за город, в поле.... Но это уже был не тот народ, который с таким патриотическим восторгом с таким беззаботным самодовольствием разгуливал себе два дня и два вечера сряду. На лице каждого вы легко могли бы прочесть страдательные ощущения сердца, которые и без слов сказали бы вам: «Матушка едет от нас! Государыня, севши в дорожный экипаж, изволила сказать окружающему ее народу: «простите, дети» и карета поехала.... Мы осиротели. Народ бросился за ней, но не многие могли напутствовать ее кликами: другое, более глубокое чувство, так сказать обхватило его внутренности, и разрывало дыхание, оно сделало его немым!.. «Простите, дети: я и теперь, кажется, слышу эти слова. Вот была бы самая красноречивая надпись над гробницею этой Государыни. С грустным сердцем, с унылою душою возвратились мы домой, и каждый из нас думал: она увезла с собой все наши радости.

«Да! прибавил старец, тяжело вздохнув, Екатерина Вторая была для России другим Петром Первым».

Андреев Торхово. Москвитянин, 1842, № 2.

1842 г. Пребывание в Туле Графа Потёмкина

Князь Г. А. Потёмкин Таврический гостил у нас, в Туле, два дня. Недавно только потомство заговорило с таким беспристрастием и откровенностью об этом вельможе, соединявшем в себе гениальные достоинства и человеческие недостатки в высшей степени. До крайности властолюбивый, Князь Потемкин, однако ж, не употреблял власти во зло. – Эта черта в характере Князя Таврического, кажется, ещё не была замечена восторженными его хвалителями, между тем как она составляет самую прекраснейшую сторону его сердца.

Правда, природа отказала ему в военном гении, чему служат убедительным, неоспоримым доказательством записки его современников, но та же самая природа наделила Потемкина умом светлым, необыкновенным, гибким, проницательным, умом о котором так много

писали иностранцы, и который привел в исполнение гениальную мысль свою: мы разумеем присоединение целого царства к России. Эта уже одна заслуга, если бы не было других не менее важных заслуг в его деятельной и полезной жизни, даёт ему полное, неотъемлемое право на благодарность признательного потомства. Напрасно сравнивали Потемкина с Суворовым – это две параллели неизмеримых длиннот, это два исполина века, совершенно не похожие друг на друга; даже самые странности их на которые теперь глядят с изумлением, не уравнивают суммы какого-нибудь между ими сходства. Напрасно поклонники называли Потемкина героем: военное дело было не его дело. Государственные пружины, которые он приводил в движение, ему больше были известны, нежели искусство которым тогда завладели Граф Румянцев Задунайский, Графы Орловы, Суворов, Репнин, Долгорукий Крымский, Вейсман. Победитель Измаила сказал резко, но справедливо, что иному не под силу носить Фельдмаршальский мундир... Если это действительно было сказано, то он явно намекал на того, кто напротив, отдавал ему, Суворову, всю справедливость, чрезвычайно замечательную в таком властолюбивом временщике, которой не терпел себе равных, а Суворов крупными шагами приближался к этому равенству. Не смотря на то, имя Потемкина будет украшать листы нашей отечественной Истории.

Прислушиваясь внимательным слухом к нашему несомнительному авторитету, которого сказания стараемся передать в надлежащей точности, не упуская из вида и выражений, ему принадлежащих, мы продолжаем говорить то, что говорили нам старожилы Тульские.

«Тяжелые раны, полученные мною в Очаковскую битву, волею или неволею заставили меня взять отставку, выйти из госпиталя, где я лечился, и уехать на родину, сказал нам Очаковский герой, готовясь к борьбе с своею памятью и временем – неумолимыми врагами глубокой старости. По обстоятельствам я жил в Туле, потом, также по обстоятельствам, хотел было уехать в мое маленькое наследственное поместье, как вдруг слышу, что Светлейшего ожидают в наш город. Какой солдат не сделает Фронта при одном имени своего Главнокомандующего? А я был уже в то время не рекрут. Раздробленная рука моя Турецкою картечью и небольшие углубления на груди от сабельных ударов, давали мне некоторое право думать, что и я могу назваться Русским солдатом, а это звание, по моему мнению, несравненно выше Титулярного и так я сделав Фронт, остался в Туле.

«Получив достоверное известие, что Главнокомандующий выехал из Ясс, и около половины Февраля непременно будет в нашем городе, где он хотел взять роздых, и подробно осмотреть наш оружейный завод, Тульский Губернатор, Андрей Иванович Лопухин несколько дней дожидаясь его на границе Мценского уезда. Не забудьте, что это было в 1791 году, что Фельдмаршал ехал в Петербург в последний раз, что в том же году оставив эту столицу, он уже более в неё не возвращался. М. Н. Кречетников, хорошо зная Светлейшего, приказал на всякий случай приготовить на каждой станции все, что только могло удовлетворить прихотливый или лучше сказать причудливый вкус этого вельможи. В городе также готовились роскошные пиршества, спектакли, иллюминации и многие другие увеселения. Местное начальство оружейного завода с неутомимым рвением старалось заслужить, хотя одно слово похвалы, хотя один взгляд одобрения Главнокомандующего. Так дорого ценили тогда его милости! Туляне желали видеть Потемкина, который завладел общим вниманием и которого слава гремела по необозримой России. И самый народ, по-видимому, принимал в этой почетной встрече, надевавшей столько шуму, живейшее участие. Толпы поселян, приходившая из ближайших деревень и сел, каждое утро собирались на Киевской улице, осаждали триумфальные ворота, еще тогда существовавшие, Дворец, в котором назначено было принять Светлейшего, и крепость с двух противоположных сторон. В это время служащие чиновники всех Присутственных Мест и Губернский Предводитель с Дворянством, в парадных кафтанах, находились в готовности по первой повестке явиться к Наместнику, чтобы представиться знаменитому сановнику. И все суеилось, готовилось, ожидало и надеялось скоро увидеть великолепного Князя Тавриды.....

И он, наконец, как бы сжалившись над нашими хлопотами и неусыпной деятельностью, въехал в Тульскую Губернию. Лопухин его встретил, но Потёмкин продолжал свой путь, не останавливаясь. Таким образом, сопровождаемый Губернатором, Исправником, он проехал Малое и Большое Скуратово – станции где переменили лошадей, – а Лопухин еще не видал Светлейшего. Замечательно, что Потемкин в тихую погоду ехал в Карете на зимнем ходу с поднятыми стеклами, в богатейшей собольей шубе, сопровождаемый Губернатором, Исправником и многочисленной свитой, между тем как Суворов, уже гораздо после, когда он был в звании фельдмаршала, переменил лошадей в Туле, ехал в простой рогожной кибитке, в плаще из толстого сукна, подбитом только ватой, и с одним денщиком. Потемкин, лежа на атласных подушках, не хотел выйти из кареты три станции, Суворов – в дождливую осень, сырую и холодную, сидел на лавочки возле дома, где переменили ему лошадей, и, потирая руки, говорил издрогнувшему Городничему, стоящему перед ним в одном мундире: «помилуй Бог, как тепло и даже жарко!» Какие противоположности! и в каких людях!..

Лопухин, желая удовлетворить свое любопытство видеть Потемкина, которого никогда не видал, и донести о этом свидании Наместнику, отнесся к Боуру, Адъютанту Главнокомандующего, который был ему не только знаком, но даже и обязан, как благодетелю. В Сергиевске, в шестидесяти верстах от Тулы, когда Боур вышел из кареты, где сидел вместе с Потемкиным, Лопухин просил этого Адъютанта какими-нибудь средствами представить его Светлейшему. «Хорошо, отвечал Боур, я сделаю для вас все, что могу, но за успех не ручаюсь». Сказав это, он подошел к карете...

– Вот каков Русский мороз: и без румян покраснеешь, громко говорил Боур своим товарищам, другим Адъютантам, которых иней, облепив с ног до головы, сделал несколько похожими на белых медведей. Потемкин молчал.

– Пррррр! хорошо бы теперь, знаете, перекусить чего-нибудь, да подкрепиться зеленым вином или просто водкою, сказал Боур, с намерением обратить на себя внимание Фельдмаршала.

– Кто бы отказался от таких благ подхватил один из Адъютантов, переминаясь с ноги на ногу у кареты. Потемкин молчал.

– Этак, пожалуй, чего доброго, застынешь как студень, опять начал говорить Боур.

– Ты шутишь, а нам уж не до шуток: мы смерть перезябли, заметил ему кто-то из его товарищей, Потёмкин все это слышал и, – молчал.

– Ваша Светлость, сказал Боуру, потеряв терпение, здесь приготовлен вкусный завтрак. Потёмкин сделал какое-то движение.

– Тульские гольцы теперь только из воды, а калачи еще горячие. Право все это стоит внимания Вашей Светлости.

Поднятое стекло в карете опустилось.

– Алексинские грузди и осетровая икра заслуживают того же..

– Гм! отвечал вельможа.

– А ерши, крупные, животрепещущие, так и напрашиваются в рот....

– Ой ли? спросил Потемкин.

– Сверх того, Ваша Светлость, продолжал Боур, здесь мигом приготовят и яичницу глазунью....

– Вели отворить карету, сказал Потемкин, которого, по-видимому, соблазнило последнее блюдо Русской кухни.

И Главнокомандующий вышел из экипажа выпрямился всю длину своего роста; блуждающими взорами окинул своих полузамерзнувших спутников, и, обращаясь к Попову, правителю его Канцелярии, и Боуру сказал:

– Пойдем!

И они пошли к дому, у которого остановились дорожные экипажи, и в котором действительно ожидали их аппетита сытные яства и превосходное вино. Когда с Потемкина сняли шубу, и он сел в Волтеровское кресло в каком-то изнеможении, что было следствием продолжительной и необыкновенно – скорой езды, Боур доложил ему, что уже две станции путешествует с ними Тульский Губернатор, и желает представиться Его Светлости.

– Попроси сюда господина Губернатора, отвечал Фельдмаршал, и приказал своему камердинеру подать флягу с водкой.

Адъютант поспешил исполнить приказание своего начальника, и, подходя к Лопухину, дожидавшемуся его в другом отделении того же дома, где, расположилась и часть свиты Потёмкина, говорил ему еще издали:

– Его Светлость желает видеть Ваше Превосходительство. Потом он прибавил вполголоса: пожалуйста скорее.

Разумеется, Лопухин не заставил себя упрашивать. Он вошёл к Фельдмаршалу, который, сидев в небрежном положении, отвинчивал серебряную крышку у Фляги, оклеенной красным сафьяном. Увидев Губернатора, он, сделав легкое движение головою, что означало поклон, сказал с холодною важностью:

– Напрасно вы беспокоились. Я слышал, что вы проехали с нами две станции...

– Три, Ваша Светлость, отвечал Лопухин с достоинством.

– Напрасно, повторяю вам, возразил Потёмкин. Я право, этого не мог знать, потому что я не выходил из моей кареты.

Между тем он отвинтил крышку, налил в неё тминной водки, которую всегда употреблял, выпил до капли, потом налил Попову, а Флягу отдал в полное владение Боуру, который в свою очередь также напил из неё, проглотил свою порцию и передал Флягу камердинеру.

– Я здесь немного отдохну и позавтракаю, продолжал Потёмкин, обращаясь к Лопухину. Поезжайте с Богом в Тулу, и потрудитесь поклониться Михаилу Никитичу, с которым я сам скоро увижусь... Вас же лично благодарю....

И Фельдмаршал опять сделал легкое движение головою. Лопухин поклонился с благодарною важностью, и, вышел из комнаты надел шубу, сел в сани и помчался в город.

«После продолжительного молчания, Боур, услышав, что принесли яичницу-глазунью, которую сопровождали другие Адъютанты, напомнил о ней Потёмкину, находившемуся в мрачной задумчивости. Как бы проснувшись от летаргического сна, он встал, и все перешли в другую комнату, где приготовлен был завтрак, который они, сверкая светлыми ножами, и начали истреблять по-военному.

«В тот же день в шесть часов вечера весь город осветила блестящая иллюминация – значило, что великолепный Князь Тавриды уже приехал в Тулу. Наместник, Губернатор, Вице-Губернатор, Губернский и Уездный Предводители с Дворянством, многие военные Генералы, Штаб-офицеры, гарнизон, все чиновники Присутственных Мест и оружейного ведомства встретили его во Дворце. Потемкин находился в хорошем расположении духа. С Кречетниковым он был крайне вежлив, повторил свою благодарность Лопухину, сказал несколько приветливых слов Генералам, Губернскому Предводителю, Вице-Губернатору, похвалил почетный караул ординарцев, и, раскланявшись с учтивостью, хотя холодною, пошел во внутренние апартаменты Дворца вместе с Наместником и Губернатором.

За обеденным столом, к которому приглашено было более сорока особ, Потемкин, обращаясь к Кречетникову, сидевшему с ним рядом сказал, указывая на некоторые кушанья:

– Я замечаю, Михаила Никитич, что вы меня балуете. Все, что я видел и вижу, доказывает особенное ваше обо мне озабочивание.

– Очень рад, Ваша Светлость, что я мог угодить вам этими мелочами, отвечал Кречетников, улыбаясь. Взяв с тарелки огромную Мясновскую редьку, стоявшую на столе под хрустальным колпаком, Потёмкин отрезал от неё толстый ломоть и продолжал:

– У вас каждое блюдо так хорошо смотрит, что я начинаю бояться за мой желудок....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.